

КИРИЛЛ ИЛЬИЧ ЗАМАРАЕВ

Из воспоминаний А.И. Кокорина

Кирилл Ильич был удивительно цельной и яркой личностью. Его собеседнику обычно сразу бросались в глаза широчайшая эрудиция, умение связывать между собой, казалось бы, сугубо разные факты и явления, внимание к мелочам и деталям и, конечно же, редкостные интеллигентность и воспитанность. Нас, молодых сотрудников, неизменно поражали и восхищали его фантастическая работоспособность, целеустремленность, способность к длительному «мозговому штурму», стремление добиться полного понимания полученных результатов и точности их изложения в статьях. Как правило, Кирилл заставлял нас по несколько раз переписывать (и перепечатывать на машинке!) с нашей точки зрения уже идеально «вылизанную» работу, стараясь сделать ее предельно ясной и отточенной. Впрочем, иногда бывало, что в результате все возвращалось к начальному варианту. Это стремление добиваться в работе идеала, по-моему, становилось характерной чертой, «почерком» его учеников.

Одним из удивительных качеств Кирилла была его почти «фотографическая» память: прочитав статью, книгу, поговорив с коллегами, он запоминал и складывал в своей памяти полученную информацию почти дословно. А стихи и крупные поэтические произведения запоминал текстуально с одного-двух прочтений. В этом отношении он унаследовал уникальные способности своего отца Ильи Кирилловича, в чем я убеждался неоднократно, бывая в их гостеприимной семье сначала в Сокольниках, а потом на Ленинском проспекте. Семья была по-московски истинно хлебосольной и радушной, что не удивительно, т.к. Илья Кириллович родился и вырос в среде русских разночинцев, наиболее благородной и достойной части населения России конца XIX — начала XX веков. Дважды я «проверял» Илью Кирилловича: доставал из шкафа наугад книгу (один раз — том Ф. М. Достоевского, другой — Р. Роллана), открывал произвольную страницу, зачитывал две верхние строчки, а Илья Кириллович продолжал по памяти читать текст практически не ошибаясь!

Я считаю, что именно прекрасная память стала предпосылкой крупных научных и организационных достижений Кирилла Ильича. А его удивительная работоспособность! Я помню, как в начале и середине 70-х годов он по просьбе Николая Николаевича Семенова помогал ему готовить материалы о своем учителе, академике В.В. Воеводском, а чуть позднее — о перспективах солнечной энергетики. В течение нескольких недель Кирилл спал не более 2,5—3 часов в сутки.

Интересуясь сам различными областями химической физики, Кирилл ориентировал нас на работу по разным, хотя и взаимодополняющим направлениям. Мы не мешали друг другу, но всегда могли помочь и проконсультироваться.

Вся наша группа (9 человек) в течение нескольких лет размещалась в одной комнате № 63 1 -го корпуса Института химической физики. В комнате стояли: ЭПР спектрометр «ЭПР-2 ИХФ АН СССР», два письменных и три средних химических стола (на одном — спектрофотометр, а на другом — большой сушильный шкаф) и большой химический вытяжной шкаф. Понятно, что работать все вместе сотрудники не могли. Поэтому было введено правило: не готовишь или не проводишь эксперимент — уходи в библиотеку. Мы заранее расписывали приборное время на неделю вперед, время от времени вступая в жаркие перепалки с коллегами. Очень приветствовалось, если кто-то устраивался поработать на приборе в другой лаборатории или другом институте. С 1975 года, после возвращения «шефа» из США, стало полегче: начали появляться новые комнаты, отбираемые у других лабораторий, т.к. требовалось отдельное помещение для работы с американскими и чешскими учеными, приезжавшими в отдел для работы по программам сотрудничества.

Характерная черта работы К. И. Замараева с учениками: он предоставлял им большую самостоятельность. Как правило, после постановки задачи мы шли в библиотеку, находили литературу, знакомились с проблемой и набрасывали план экспериментов, который обсуждали с «шефом». Если эксперименты и их обработка ладилась — следующая встреча могла произойти уже после получения большого массива данных. С годами наша самостоятельность возрастала, симбатно с занятостью «шефа». Другая особенность состояла в том, что он с самого начала приучал нас не опасаться «внешних» контактов. Во-первых, все делать самому — нецелесообразно, и, во-вторых, не надо бояться, что идею украдут — идей должно быть много! Т.е. надо кооперироваться с профессионалами и быстро делать дело.

Важной заслугой Кирилла, как ранее и его учителя В.В. Воеводского, стало то, что научные и дружеские контакты с ним не прекратились после его переезда в Академгородок. Бывая в Москве, он регулярно, вначале часто, а потом, конечно, реже и реже заходил в лабораторию, беседовал (и переписывался) с нами, живо интересовался нашими успехами и ростом. Многие стали докторами наук. К сожалению, в настоящее время по разным причинам из московских сотрудников Замараева в науке остались только трое: Валя Пармон, Слава Некипелов и я. Хочу отметить, что Кирилл не был «добреньким», но всегда был готов помочь советом. Он практически никогда не делал «подарков» нам, своим сотрудникам — все надо было заработать и заслужить делом. Это было его принципом. Одновременно с этим, он вникал в наши проблемы, не только научные, но и личные, внимательно следил за нашей жизнью.

Важной заботой К. И. Замараева и в Москве, и, насколько я знаю, в Академгородке, было всегда создание товарищеского климата в группе, а позднее — в лаборатории. Он часто устраивал походы по Подмосковию с обязательным костерком, игрой в волейбол и футбол, а зимой — лыжные вылазки. Несколько раз выбирались на пару выходных, обычно в зимние студенческие каникулы, ко мне на дачу под Дорохово, с роскошным лыжным катанием на берегах Москвы-реки. А вечером после ужина — долгие разговоры о науке, литературе, прекрасными знатоками которой были Кирилл и Саша Никитаев, о смысле жизни...

Кирилл был не только ярким, выдающимся ученым, но и прекрасным организатором. И не только как заведующий лабораторией ИХФ АН СССР. Большой опыт он приобрел, будучи ученым секретарем Национального комитета советских химиков. О его деятельности в Отделении физической химии Международного союза теоретической и прикладной химии, IUPAC, наверняка расскажет кто-то, лучше меня с этим знакомый. Я смог оценить организаторские способности К.И. Замараева в несколько иной области, о которой, обычно, вспоминают меньше, чем о других, но в которую он внес весьма заметный вклад.

В Совете по солнечной энергии мне довелось проработать с Кириллом 12 лет, и я не раз восхищался его дипломатическими способностями и умением находить компромисс, изящно обходить, казалось бы, весьма острые углы. В 70-х и 80-х годах прошлого века в Советском Союзе наиболее активно, успешно и целенаправленно работы по химическому моделированию природного фотосинтеза, выяснению его механизмов и фотокатализу вели две группы исследователей. В Институте катализа СО АН СССР под руководством К.И. Замараева, а позднее — В.Н. Пармона, и в ОИХФ АН СССР в Черноголовке под руководством А. Е. Шилова. Сотрудники Шилова (В.Я. Шафирович, Т.С. Джабиев, В.А. Надточенко, Н.К. Ханнанов и др.) начали работать в этой области на несколько лет раньше новосибирской группы Пармона (Г.Л. Елизарова, Л.Г. Матвиенко, Е.Р. Буянова, Е.Н. Савинов и др.) и раньше получили ряд интересных научных результатов. Все ученые с большей или меньшей степенью амбициозны, поэтому борьба за приоритет между этими группами, безусловно, на благо науки, велась жаркая! В этой связи было весьма показательным, как Кирилл Ильич в последний момент своим авторитетом и спокойной рассудительностью сглаживал страсти, уже было готовые закипеть. Блестяще проходили под руководством К.И. Замараева выездные сессии Совета в Пушкино, Всесоюзные конференции «Фотокаталитическое преобразование солнечной энергии» в Новосибирске (1983) и Ленинграде (1987), «Возобновляемые источники энергии» в Ереване (1985). С ним я прошел прекрасную научно-организационную школу!

Неоднократно бывая у него дома, в Москве и Академгородке, я видел Кирилла в «домашних» условиях. Как он любил своих родных, прежде всего, родителей! Без преувеличения можно сказать: он был идеальный сын, что в полной мере проявилось после смерти Ильи Кирилловича и во время болезни

Веры Львовны. Я хорошо знаю, чего ему стоила разлука с ними, когда он уехал в Новосибирск. Но было «надо», и была ясная цель. И была огромная ответственная работа, которой он всегда подчинял свою жизнь и все остальные интересы.

Еще хочется сказать несколько слов о его мужестве, несокрушимом характере, самообладании и оптимизме. Когда однажды, после довольно длительного пребывания в онкоцентре, я вез его домой на Ленинский проспект, на вопрос о болезни ответ был: «Все нормально», и следующей фразой: «Ты знаешь, у меня появилась мысль...». Я восхитился! Кирилл знал о заболевании всё. Я — тоже. В том числе и о прогнозе. И о его проблемах с глазами. И только фантастическое самообладание Кирилла и концентрация сил и памяти сделали возможным этот удивительный ренессанс его научных работ, книг и статей, созданных за два последних года жизни. Как хорошо, что научные направления, начатые К.И. Замараевым, продолжают активно развиваться в работах его, прежде всего новосибирских, учеников.

Как жаль, что он ушел так рано!

Р.С. Кокорин Александр Ильич — аспирант К.И. Замараева (1970— 1973 гг.), сотрудник ИХФ АН СССР (1973 г.), д.х.н. (1992г.), зам. зав. Отделом кинетики и катализа ИХФ РАН (1995г.), гл. н. с. лаборатории химической радиоспектроскопии им. В.В. Воеводского (1999 г.).

Источник:

Кокорин А.И. К.И. Замараев и его московские ученики // [Наука в Сибири](#). – 2009. – N 20. – С.5.